

В шкатулке, доверху наполненной безупречными белыми кристаллами, куда больше внимания привлекало ожерелье, украшенное самой ценной драгоценностью Темнолесья — белым звездным камнем. Леголас не сводил с него глаз и пробормотал:

— Неужели это то самое звездное ожерелье, которое Ада когда-то заказал гномам для Наны, но те жадные существа его присвоили? Ты... Локи... — Леголас в недоумении посмотрел на него. — Ты пробрался в Эребор? Ты в порядке? Не ранен?!

Леголас невольно пожалел о том, что ранее преследовал Локи. Если бы он знал, что тот собрался в Одинокую гору, он бы ни за что не позволил ему это сделать! Что такое Эребор? Это земли Короля-под-Горой, гномье царство, которое вместе со всеми накопленными богатствами ныне принадлежит дракону Смаугу. Чешуя Смауга настолько прочна, что ее не берет ни одна магическая стрела, а в одиночку он сумел сокрушить целое королевство. Впрочем, Леголас не испытывал ни капли жалости к гномам — он терпеть не мог этот жадный народец.

— Да это всего лишь дракон, — Локи скривил губы и неохотно добавил: — Господин Анната устроил Смауга, заставив его погрузиться в сон.

На самом деле Локи просто принял облик Аннаты и как следует подразнил дракона, чтобы выманить того наружу. Он полагал, что Смауг расправится с Аннатой, но стоило им встретиться, как дракон тут же завалился спать. Об этом он предпочел умолчать, но и чужие заслуги присваивать не собирался: он действительно не сражался со Смаугом напрямую, а устроил его именно Анната.

— Благодарю вас, господин Анната, — с чувством произнес Леголас. Он был признателен не только за ожерелье, но и за то, что тот защитил Локи.

Анната посмотрел на него с мягкой улыбкой и, слегка склонив голову, негромко ответил:

— Для меня это честь.

Локи лишь фыркнул.

— Локи! — Леголас крепко обнял его и торжественно добавил: — Ты навсегда останешься моим лучшим другом.

Локи замер, и на его ушах проступил заметный румянец, который в мгновение ока залил всё лицо. Он тихо хмыкнул и проворчал:

— Это всего лишь ожерелье. Я просто попутно прихватил его.

Разумеется, он прихватил не только его. Леголас покачал головой и снова обнял друга, его глаза светились нежностью. Это было не просто украшение с драгоценным камнем, а память Ады о Нане. Ада будет счастлив.

Тем временем отряд эльфов достиг места, где Белиал жил последние пять лет. Обстановка здесь сильно изменилась. Дома на деревьях остались, но под ними расчистили большую площадку и выстроили ряд деревянных коттеджей. Один предназначался для супругов Старк, другой — для Локи, а в третьем, испisanном рунными кругами, хранились запасы провизии и располагалась кухня. Стоит отметить, что кухонная утварь была весьма современной: Говард спроектировал и создал ее сам, и для гения, освоившего древо технологий, это не составило труда. Энергию же для приборов обеспечивали рунные массивы, начертанные Локи. Стоило повернуть переключатель, как запускался массив, зажигался огонь, а температуру можно было регулировать — невероятно удобно.

За домиками разбили грядки со свежими овощами, окруженные магическим контуром, который даже в осенние и зимние холода поддерживал постоянную температуру, не давая растениям замерзнуть. Был самый разгар дня, и Белиал сидел в плетеном кресле под деревом, опершись локтем о подлокотник и подперев подбородок. Владыка Ада с черными, как смоль, волосами и глазами слегка прикрыл веки, и на его прекрасном лице застыло равнодушие. Хотя кресло было самым обычным, когда он сидел в нем, эльфам невольно вспоминался их государь на оленьем троне — в нем чувствовались врожденное величие и властность.

Эльфы во главе с Тауриэль поклонились Белиалу, сделав это с присущей им грацией. Они знали, что этот господин не любит лишних слов, поэтому, оставив повозки у кухни, тихо удалились из владений энтов. Леголас не спешил уходить, ведь Локи обещал угостить его фруктовым вином, приготовленным госпожой Марией. Леголасу очень нравился этот вкус, совсем не похожий на эльфийские вина, но госпожа Мария, узнав, что он еще не достиг совершеннолетия, наотрез отказывалась его угощать. Даже та капля, что доставалась Локи, была тайком передана ему мистером Говардом за спиной у супруги.

Локи покосился на кухню. Из трубы вился тонкий дымок — несомненно, дядя Константин готовил послеобеденный десерт, или, вернее будет сказать, послеобеденную тьму. В это время дядя Говард обычно работал в мастерской над какими-то странными вещами, а тетя Мария помогала ему, подавая инструменты. Локи иногда присоединялся к их исследованиям, вырезая рунные массивы на странных металлических трубах. Правда, после того как однажды в мастерской дяди Говарда прогремел взрыв, едва не снесший крышу, Локи потратил немало времени на изучение защитных амулетов. Он успокоился лишь тогда, когда навесил на дядю и тетю как минимум по три штуки. Он знал, что они — лишь духи, ставшие материальными благодаря силе Белиала, и неизвестно, может ли повредить им взрыв, но рисковать Локи не хотел. Он не желал, чтобы его близкие пострадали.

Локи взглянул на Аннату и увидел, что тот уже подошел к Белиалу. Локи прищурился. Белиал, который был занят ожиданием десерта от Константина, приподнял веки и бросил взгляд на Аннату. Честно говоря, за последние четыре года, после того как Белиал перебил целую армию орков, подобные наглецы перестали попадаться ему на глаза. Однако, присмотревшись к Анната, он приподнял бровь и с интересом взглянул на его шею, после чего негромко произнес:

— Твой дух пахнет довольно занятно.

Дух? Локи тут же наострил уши. Выражение лица Аннаты изменилось, он выглядел взволнованным. Он опустил на одно колено перед Белиалом, склонив голову. Если магия,

которую использовал Локи, лишь зародила в душе Аннаты слабую надежду, то, увидев существо, которое по силе превосходило всё, что он знал о Валар, он обрел твердую уверенность. Надежду на то, что он сможет сбросить свои оковы!

Локи смутно догадывался, что напал на след тайны Аннаты, но не успел прислушаться: Леголас подошел к нему, обхватил за шею и потащил в сторону домиков.

— Пус-пусти, Лего... — Локи не мог вырваться. Хотя они были почти одного роста, эльфы обладали силой, несоразмерной их изящному телосложению, и обычный чародей против такой хватки был бессилён.

— Господину Белиалу и Аннате нужно поговорить, — наставительно сказал Леголас. — Будь паинькой, не подслушивай. Идем, доставай свое припасенное вино, пока госпожа Мария и мистер Говард заняты, мы его и попробуем.

Локи закатил глаза: столько высокопарных слов, а всё ради того, чтобы добраться до вина! Леголас, я в тебе разочаровался!

Вокруг беседующих бесшумно опустился звукоизолирующий барьер. Анната глубоко вздохнул и тихо сказал:

— Господин, Анната Спирит выражает вам свое глубочайшее почтение. Я умоляю вас о помощи.

Белиал, опираясь подбородком на руку, небрежно взглянул на него, не давая ответа. В этот момент Константин открыл дверь кухни и вынес поднос с десертом, вид которого был, скажем так, сносным. Белиал махнул рукой, и рядом с ним возникли столик и еще одно кресло. Константин поморщился: он совсем не хотел делиться этим блюдом. Он прекрасно знал, что сам приготовил, и, хотя пытался подражать методам госпожи Марии, кулинария требовала таланта. Но раз этот господин решил разделить с ним трапезу, придется есть свое творение, даже если оно станет последним.

Тяжело вздохнув, Константин подошел к нему. Белиал, не моргнув глазом, взял печенье странного зеленоватого оттенка, откусил кусочек и невозмутимо произнес:

— Гадость.

Константин закатил глаза. Раз гадость — зачем заставлять его готовить? Вкусы Белиала оставались для него загадкой. Сев в кресло, Константин откусил крошечный кусочек и запил его большим глотком ячменного пива Марии, чтобы хоть как-то перебить вкус горелой карамели. Честно говоря, этот Владыка Ада был удивительно неприхотлив.

После десерта настроение Белиала заметно улучшилось. Он не стал скрывать ничего от Константина — да и скрывать было нечего, ведь душа этого человека полностью принадлежала ему — и прямо спросил:

— Рассказывай.

Белиал не был мягкосердечным Габриэлем, который раздает милости каждому просящему. Но если этот Анната сможет его заинтересовать, он не прочь помочь ему сорвать собачий ошейник с шеи.

Анната снова вздохнул, коснулся сердца и признался:

— Господин, это не мое тело, и я сам не из этого мира. У владельца этого тела было другое имя — Саурон.

Константин удивленно приподнял брови. Саурон? Имя, гремевшее повсюду. Саурон, ученик Аулэ, прельщенный Морготом и ставший его правой рукой. Даже после изгнания Моргота за пределы мира он продолжал сеять тьму, став Темным Властелином, чье имя внушало ужас. И хотя говорили, что объединенные силы людей, эльфов и гномов победили его, тень его всё еще лежала на мире.

Константин машинально жевал печенье, и вскоре на его лице отразилось сочувствие. Если подумать, Анната Спирит был невероятно невезучим.

Он не принадлежал этому миру, а прибыл из галактики за пределами этого космоса, с планеты Спирит. Когда их мир погиб, лишь пятеро успели покинуть его до взрыва в поисках нового дома. Анната и его брат Харрисон были в их числе. Раса Спирит не имела тел — они были чистыми духами. Это означало, что они могли жить на любой планете, если находили сосуд для своего духа, а их жизнь была практически бесконечной.

Анната и Харрисон были знаменитыми исследователями и учеными, мечтавшими записать сведения обо всех разумных расах Вселенной. Всё шло хорошо, пока они не решили исследовать этот величественный мир, созданный двумя Древами. Не успели они прорваться сквозь пространственный барьер, как попали в ужасающий временной шторм.

Анната содрогнулся при воспоминании:

— Это была катастрофа, с которой не справиться человеческими силами. Она разорвала мое тело, и когда я пришел в себя, я оказался внутри Саурана.

Белиал едва заметно усмехнулся. Временной шторм... не тот ли это шторм, возникший, когда фрагменты Нарцисса прорвались в этот мир, обратив время вспять? Это было начало Второй Эпохи. После поражения Моргота его воля заставила Саурана вернуться в Средиземье, чтобы развращать людей и нести вечную тьму. Но Саурон провалился и был вынужден скрываться.

Беда Аннаты заключалась в том, что, когда он неосознанно вселился в прекрасную оболочку Саурана, тот был еще жив. Саурон был Майа, обладал вечной жизнью. А главное табу расы Спирит гласило: нельзя занимать тело, у которого есть хозяин. Они могли вселяться только в мертвые оболочки. Во-первых, их мораль запрещала грабеж, а во-вторых, их дух мог быть легко поглощен более сильным существом.

Анната попытался уйти, но Саурон обнаружил незваного гостя и возжелал поглотить его силу. После столетия борьбы Анната победил, забрав память, силу и тело Саурана. Но самым ужасным «наследством» была метка Моргота. Для Майа это было знаком благоволения, но для Аннаты, жаждущего свободы, она стала цепью. Он проклинал тот день, когда попал в шторм, вселился в живое тело, а потом был вынужден нести на себе это клеймо. Воля Моргота постоянно подталкивала его к убийствам и тьме... А Анната был лишь ученым, который хотел записывать увиденное, а не Темным Властелином.

Чтобы избавиться от метки, он дважды пытался совершить самоубийство. В первый раз он не только не покинул тело, но и потерял часть памяти. Очнувшись в Эрегионе, он обнаружил, что уже очаровал эльфов, и даже Келебримбор советовался с ним по поводу кузнечного мастерства. Он понял, что даже если он не управляет телом, воля Моргота продолжает действовать.

Во второй раз он выбрался к Роковой горе. Он не хотел таких крайностей, ведь уничтожение тела причиняло его духу невыносимую боль. Но он не оставил выбора. Он не знал, как выбрался из лавы, помнил лишь, что очнулся в пещере, где его спас эльфийский юноша — Леголас. Сам Леголас не знал, что обожженный человек, которого он нашел, был Аннатой. Его пение успокоило боль и подарило надежду.

Самоубийство случайно забросило его из Второй Эпохи в Третью. Анната столкнулся с временным парадоксом, узнав из преданий о своей будущей судьбе — о Кольцах Власти, войнах эльфов и тьме, что всё еще не отступила.

Анната не мог долго оставаться в этом времени, оно отторгало его. К тому же метка Моргота здесь была еще активнее. Пробыв семь дней, он исчез и вернулся во Вторую Эпоху. Второе «самоубийство» прошло без потери памяти, но боль была такой, что могла свести с ума. В периоды слабости воля Моргота брала верх, и он во сне отдавал приказы, которые потом приходилось отменять, из-за чего среди орков он прослыл непредсказуемым.

Разобравшись с делами, он снова прыгнул в жерло вулкана, на этот раз подготовившись. Он хотел еще раз увидеть Леголаса, поблагодарить его. Но, увидев прекрасного эльфа, он промолчал. Его лицо было обезображено ожогами, и он не хотел, чтобы в глазах Леголаса, полных чистого восхищения красотой, отразилось что-то иное.

<http://bllate.org/book/21222/2147511>